

Владимир Даль

О РУССКОМ СЛОВАРЕ

Читано в Обществе Любителей Российской Словесности, в частном его заседании 25 февраля и в публичном 6 марта 1860 года

Господа, в последнее заседание Вы потребовали от меня, по живому сочувствию к делу, отчета в труде моем, в словаре, над которым я век свой работаю. Исполняю Ваше желанье.

Словарю дано названье: *Словарь живого великорусского языка*; в него должна бы войти вся живая речь нынешнего великорусского поколения; Малая и Белая Русь исключены: это особые наречия. Некоторые слова из них, перейдя на деле в смежные великорусские области, вошли, однако, и в словарь.

Вовсе устарелые реченья исключены, если только особые уважения не заставили об них упомянуть; но много старинных слов и поныне живут в народе, хотя их мало знают, и они приняты и в словарь.

Церковный язык наш исключен; но приняты все выражения его, вошедшие в состав живого языка, также обиходные названья предметов веры и церкви. И славянских слов встречаем мы несколько в речи народной, особенно с малорусского, а затем и на самом севере и северо-востоке.

При тщательном сборе народных речений не вносились, однако, в словарь, умничаньем искаженные и столь удачно прозванные *галантерейными*, выражения полукупчиков, сидельцев, разночинцев и лакеев, как, напр., *патрет, клятер, полуматер* и пр.

Главное вниманье обращалось на язык простонародный. В языке нашем нет таких говоров, каковы областные наречия западной Европы, где искаженное на особый лад произношенье, взапуски с местными, нигде более неслыханными выражениями вовсе затемняют коренной язык. Речь наша всюду одинакова; отклонения от нее так ничтожны, что многими и не замечаются. Главная отлика — это *высокий* и *низкий* говор, наклонность к гласной *а* или *о*: первая свойственна югу и западу от Москвы; вторая — северу и востоку. Строй и склад речи, грамматика одинакова всюду; и потому, скажу ли я: «с Масквы, с пасáда, с авашнóва рýда», как óкальщики дразнят подмосковцев, или «бóлого в Володимере, стокáн испить — голова болит», как рязанцы приговаривают соперникам своим в плотничестве, или даже: «ён хóдить, гуляйт, бáтьку паминáить», как дразнят самих рязанцев, а еще более курян, — мы и то, и другое, и третье понимаем одинаково, и без запинки перекладываем на свою, среднюю, по произношенью гласных, речь, не переводя слов, а только смягчая в говоре резкие крайности. Но в малорусском: «нехай и чёрт, абы не москаль», и в белорусском: «яна́ месіць, у сцяну́ лепіць», слышится уже нечто вовсе чужое. В Малороссии и грамматика своя, отчасти славянская; в Белоруссии она также уклоняется от нашей и отчасти даже сближается с польскою.

Вот почему народные слова наши прямо могут переноситься в письменный язык, никогда не оскорбляя его грубою противу самого себя ошибкою, а напротив, всегда направляя его в природную свою колею, из которой он у нас соскочил, как паровоз с рельсов; они оскорбят разве только изрусевшее ухо чопорного слушателя. Что делать, надо вынести на себе негодование его; миновать нельзя. Язык наш, для потребностей образованного круга, еще не сложился; неоткуда взять тех *салонных* — ныне уже не говорят